

В.А. Саблин

Вологодский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00238 а
«Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы»*

В статье идет речь об освоении Европейского Севера России посредством аграрной колонизации в первой трети XX в. Анализируются процессы внутреннего расселения крестьянского населения и способы расширения землепользования. Исследуются вопросы привлечения в сельскохозяйственную отрасль населения из-за пределов региона. Изучены условия трансформации колонизационной политики государства в 1930-е гг. и замены добровольного освоения на принудительную колонизацию Севера Европейской части России спецпереселенцами из числа кулаков и осужденных.

Землепользование, крестьянский двор, аграрное перенаселение, колонизация, государственная политика, спецпереселение.

Проблема освоения природных богатств Европейского Севера России, ликвидации малонаселенности региона, обеспечения региона дополнительными рабочими руками давно является предметом пристального внимания ученых, специалистов сельского хозяйства, историков. Еще в конце XIX известный предприниматель М. Сидоров предложил программу последовательной колонизации регионов Европейского Севера посредством внутрирегионального расселения и привлечения населения из других регионов России [28].

Для анализа вопросов сельскохозяйственной колонизации очень важно рассмотреть правовые основания существования крестьянского хозяйства в данном регионе и характера поземельных отношений. Первые советские земельные и лесные законы 1917–1921 гг. изымали землю из гражданского оборота и установили в стране режим земельных отношений, основанный на исключительном и неограниченном государственном праве собственности на землю. Устанавливалась практика уравнильно-трудового пользования землей.

В годы нэпа власть вынуждена была пойти на встречу крестьянству. Значительная часть лесов государственного фонда была передана в местный фонд для возможного сельскохозяйственного использования и внутреннего расселения. Так, уже 28 апреля 1921 г. были изданы особые «Правила обращения в земельный фонд лесных площадей в северных губерниях». Руководству Архангельской, Вологодской (за исключением Вологодского и Грязовецкого уездов), Олонецкой, Северо-Двинской и ряда других губерний разрешалось самостоятельное обращение в земельный фонд тех лесных участков, которые не представляли особого значения для лесного хозяйства, мелких площадей, располагающихся чересполосно или посреди

крестьянских угодий. В сплошных лесных массивах расчистки не должны были превышать 10% от всего массива [14].

Основной закон о трудовом землепользовании, Земельный (1922 г.) и Лесной (1923 г.) кодексы также признавали за крестьянами право на расчистки. Разработанные на их основе «Правила устройства трудовых заимок земли для постоянного сельскохозяйственного использования» (Циркуляр НКЗ РСФСР от 2.07.1923 г.) предоставляли «заимщикам» землю в бессрочное трудовое пользование. В соответствии с этим правилом размер заимки не должен был превышать того количества земли, которое может быть использовано заимщиком для ведения трудового сельского хозяйства с применением наемного труда в 22 губерниях и областях страны, в том числе на Европейском Севере (кроме Вологодской губернии).

Предварительных условий для разработки заимки в отведенных для этой цели местах не требовалось. Предполагалась лишь регистрация «произведенной заимки в течение годичного срока в ближайшем земуправлении, под опасением, в противном случае, недействительности заимки» [26, с. 23–25]. Срок разработки заимки устанавливался в пять лет. Обязательным условием являлось возведение на заимке жилья. Никаких льгот при этом не предусматривалось. В силу этой и других причин в северной деревне предпочитали заимке традиционную расчистку.

Тем не менее, указанный Циркуляр НКЗ являлся по сути первым шагом в вопросах советской политики аграрной колонизации Европейского Севера и сыграл важную роль в составлении местных подзаконных актов, касающихся расширения крестьянского землепользования и расселения населения. По сути дела, можно согласиться со сделанным в свое время

М. Градовым выводом о том, что «о плановом переселении в СССР со времени революции можно говорить только начиная с 1924 г., так как до этого времени работа руководящего органа в области переселения – Наркомзема – сводилась главным образом к регулированию стихийного передвижения переселенцев, вызванного голодом 1921 г.» [8, с. 33–34].

Не случайно, в АО Коми, судя по отчету областного земельного управления за 1923 г., полагали, что «с получением правил об устройстве трудовых заимок земли» представилась «возможность легализовать все расселенческие участки, образовавшиеся за время революции революционным порядком, присвоив им права заимок» [6].

Первый опыт привлечения переселенцев в регион и выработки колонизационной политики был связан с деятельностью лесных концессий «Русанглолес», «Русголландлес» и «Руснорвеголес». Основным резервом рабочей силы для них являлась деревня. Осознав это обстоятельство, власти вынуждены были все-таки корректировать свою политику в сфере промыслов и отхода, рассматривать проблемы организации труда и лесозаготовки. На этом этапе экономической политики появляются первые перспективные планы развития и подъема сельского хозяйства, и предпринимается попытка определить место каждого сектора в экономике региона.

В 1925 г. в Коми АО был издан ряд документов, касающихся расчисток, – «Правила о расчистках и распашках в границах фактического пользования (земельного фонда) и на предназначенных к отводу в земельный фонд лесных площадях», «Правила о расчистках и распашках в лесах местного и государственного значения» и близкие к этим инструкциям «Временные правила о расселении земледельческого населения в Автономной области Коми» [7].

Примечательна в этой связи план переселенческих и расселенческих работ на 1925–1929 гг. [12, с. 14], разработанный в Вологодской губернии. Согласно плану, предполагалось провести ряд мероприятий с целью выравнивания в землеобеспечении бедных и средних хозяйств и на этой основе увеличить земельные наделы до размеров, позволяющих использовать рабочую силу преимущественно в сельском хозяйстве. При этом, как отмечалось, «крестьянские хозяйства сумеют выделить известный кадр рабочей силы для развития местной и государственной промышленности, но уже обеспеченных продуктами сельского хозяйства» [4].

Таким образом, в Вологодской губернии приоритеты отдавались сельской экономике, которая должна была попутно снабжать промышленность рабочей силой, обеспеченной за счет своего сельского хозяйства необходимым продовольствием.

В других регионах края постановка проблемы значительно отличалась. В Архангельской губернии, как подчеркивалось на IX губернской конференции РКП(б) в январе 1925 г., в качестве первоосновы развития сельского хозяйства предполагался переход от «зерноводства, как основного направления сельскохозяйственного производства, к животноводству и луговодству». Данный курс нашел подтверждение в решениях XI губернского съезда Советов в конце 1925 – начале 1926 гг. [20, с. 26].

В Карельской АССР вопрос о дальнейшей специализации аграрного производства было решено в середине 1920-х гг. по завершении административных преобразований. В частности, на VII Всекарельской партийной конференции в декабре 1926 г. была признана необходимость в принятии «специальных мер к направлению и использованию средств от лесных заработков на интенсификацию сельского хозяйства и промыслов через кредитные и сельскохозяйственные товарищества». Подтверждался «курс на развитие товарности сельского хозяйства, особенно по линии животноводства».

Отмечая недостаток «рабочей силы для карельской промышленности и лесных заготовок и необходимость земледельческого заселения наших незаселенных районов, с одной стороны, и болезни и недочеты в колонизационной практике Мурманской железной дороги – с другой, конференция устанавливает, что колонизация в дальнейшем должна идти в строгом соответствии с общими перспективами экономического развития АКССР по двум линиям: 1) промышленной и промысловой и 2) сельскохозяйственной. Болезненные явления, имевшие место у Мурманской железной дороги, должны быть учтены, решительно изжиты и ни в коем случае не допущены в колонизационной практике Карелии» [23, с. 9].

Следует уточнить, что сельскохозяйственная колонизация зоны Мурманской железной дороги на первых порах дала масштабный сбой. Проводилась она за счет государства, но переселенцы, получив всевозможные льготы, предпочли работать на самой дороге, отказавшись от занятия сельским хозяйством.

В конечном итоге завершение восстановительных процессов в экономике региона в 1925–1926 гг. сопровождалось разработкой перспективных планов развития, привлечения рабочего населения для аграрной колонизации Европейского Севера. Однако в действительности наблюдалась устойчивая тенденция оттока населения из региона. Как с тревогой писал в 1924 г. о ситуации в Архангельской губернии П. Туфанов: «Переселение из Шенкурского уезда в Поволжье, Сибирь и даже на Юг за последнее время принимает массовый характер, усиливаясь с каждым днем. Уездным земельным управлением только с 12 февраля сего года зарегистрировано 53 семейства, а общее число переселенцев, считая ранее выехавших, достигает ста, что составит почти 1/2% всего населения уезда. На первый взгляд кажется странным, что вместо ожидаемой колонизации Севера за счет перенаселенных мест центральной полосы России обнаружилось обратное стремление». Примечательным в этой ситуации было то, что 32% дворов, 17 хозяйств из Верхосуландской волости и 1 хозяйство из Верхопаденгской волости переселялись в Троицкий уезд Челябинской губернии организованным порядком на основе выданных Наркомземом документов на льготный проезд.

П. Туфанов выявляет и главную причину к переселению – «по указанию самих переселяющихся – малоземелье, плохая урожайность земли, недостаток хлеба и низкая оплата труда на лесозаготовках в зимнее время. Гражданин д. Захаровской, Паденгской волости, Вещагин, говорит, что общинное землеполь-

зование с трехпольным севооборотом, чересполосица, мелкополосица, дальнотемелье, отсутствие хороших сенокосов, не позволяющее держать необходимое количество скота, стихийные бедствия, неблагоприятный климат, и вообще условия, не оправдывающие труд земледельца, заставляют выселяться в Поволжье. Гражд[анин] д. Боровской Верхнесуландской волости, П.М. Едовин, говорит следующее: “Борьба за хлеб в условиях Архангельской губернии становится не под силу. С переездом на новое место желаю завести многополюе, дабы начать обрабатывать свое хозяйство культурным способом и дать лучшие условия для подрастающих детей”» [29, с. 39–40].

В Вологодской губернии, судя по заключению губплана «О пятилетнем плане колонизации» от 27 января 1926 г., наблюдалось стихийное переселение крестьян на мелкие массивы и выселение за пределы губернии, и лишь с 1925 г. проявилось стремление переселиться внутри губернии. На 1 апреля 1925 г. было получено 1078 заявок на переселение (от 1078 хозяйств при 4940 едоках). Указанная цифра достаточно скромная, учитывая то, что на 1 января 1926 г. в губернии выявился избыток населения в количестве 28 849 хозяйств, в том числе 2235 хозяйств в Вельском уезде, 17 470 хозяйств – Вологодском, 4160 хозяйств – Кадниковском, 2135 хозяйств – Каргопольском, 2849 хозяйств – Тотемском уезде [5].

В АО Коми ситуация в старообжитых районах была аналогичной. По сведениям на 1 сентября 1928 г. перенаселенность области, особенно в Усть-Сысольском уезде, в черте обжитых земель достигала 50% численности населения. Предпринятые властями усилия по привлечению в регион крестьянского населения давали незначительный эффект [17] (см. табл. 1).

Число переселившихся составляло по разным уездам от 0,27% до 2,6% к числу наличных хозяйств. В подавляющем большинстве, свыше 87,0%, это были бедняцкие дворы.

Другая мера, предпринятая властями Коми АО в вопросе колонизации, была связана с внутриобластным расселением. Для стимулирования «расселенцев»

в местном бюджете области формировался целевой «расселенческий» фонд. Однако выдача безвозвратных пособий «расселенцам» была сопряжена с условием их перехода к коллективному земледелию.

Например, в 1926/27 г. пособия выдавались в первую очередь хозяйствам, которые на новом месте организовывали сельскохозяйственные кооперативы. Во вторую очередь – группам хозяйств, не объединенных в сельскохозяйственные кооперативы, но приступивших к совместной разработке сельскохозяйственных угодий (расчистки, распашки). В третью очередь – «для иных целей», таких как расчистки и распашки, приобретение рабочего скота, приобретение сельскохозяйственного инвентаря, расходы на переселение. Окончательный размер пособий определял ОблЗУ [18].

С 1925 по 1928 год в АО Коми путем внутриобластного расселения было образовано 113 поселков с 332 дворами [19] (см. табл. 2).

В Карельской АССР колонизационная политика середины 1920-х гг. была также связана с расселением и переселением крестьян внутри республики. Со временем переселение стало обуславливаться созданием на новых участках коллективных хозяйств. Судя по отчетам колонизационно-переселенческой части НКЗ АКССР, в 1926/27 г. было расселено всего лишь 29 дворов на отведенной площади в 287 га, в 1927/28 г. – 13 дворов на площади в 128 га, в 1928/29 г. – 31 двор на площади в 310 га. Причем 60 га было выделено 6 дворам, объединившимся в колхоз. Не менее скромными размерами отличалось и переселение внутри республики. Так, в 1926/27 г. было переселено 96 дворов при 424 едоках. Выделенная под заселение площадь составила 995 га, в 1927/28 г. – 83 двора при 280 едоках. Выделенная им площадь равнялась 878 га. В 1927/28 г. было произведено 20 внутриселенных отводов земли на общей площади в 2586,12 га, которые коснулись 159 хозяйств. Из отведенной земли 337,72 га (13,06%) было передано колхозам, 2206,99 га (85,34%) – земельным обществам, и лишь 41,41 га (1,6%) – единоличникам [15].

Таблица 1

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В КОМИ АО
(по данным на 1 июля 1925 года)

Уезды	Количество хозяйств	Количество членов семьи	Средняки	Бедняки	Процент к числу наличных дворов
Сысольский	323	1194	45	278	2,18
Усть-Вымский	33	113	2	31	0,27
Усть-Куломский	389	1437	48	341	0,31
Ижмо-Печорский	129	632	Нет сведений	Нет сведений	2,6
Всего	874	3376	95	650	

Таблица 2

ДИНАМИКА ВНУТРЕННЕГО РАССЕЛЕНИЯ В АО КОМИ В 1925–1928 ГГ.

Годы	Образовано поселков	С числом дворов	На площади (га)
1925/26 г.	52	111	3879
1926/27 г.	40	180	6290
1927/28 г.	21	41	1433
Итого в 1925–1928 гг.	113	332	11602

В решениях XII-го Архангельского губернского съезда Советов в марте 1927 г. на первое место в ряду мероприятий по сельскому хозяйству ставилась задача «разработать перспективный план колонизации и расселения губернии в увязке с перспективой развития лесного хозяйства, лесной промышленности и промыслов. Разработать операционный план по расселению и изысканию колонизационных фондов на 1927–28 г.; приступить к интенсивному и планомерному заселению линии железной дороги, разбив в первую очередь участки под поселки по всем существующим разъездам; ...продолжить предварительное выявление колонизационных фондов через аппарат лесоустройства. Разработать правила по переселению» [21, с. 18–19]. Со временем для привлечения переселенцев было создано два переселенческих района – Кулойский и Железнодорожный. На протяжении 1927–1929 гг. там на площади в 14 345 га были проведены подготовительные работы: мелиорация, корчевание пней и кустарника, ремонты дорог и пр., и уже в 1928/29 г. здесь побывали ходоки от желающих переселиться крестьянских дворов. В основном это были крестьяне самой Архангельской губернии [1].

Работа по обустройству деревни и аграрному расселению неизбежно привела власти к необходимости согласовывать ее с масштабными планами индустриализации региона. Как известно, отсчет политики индустриализации начался от XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1925 г. Курс на индустриализацию Европейского Севера постепенно высветил приоритеты промышленной сферы региона: лесная промышленность, рыбозверобойные промыслы, поставленные на промышленную основу, местная мелкая и кустарно-ремесленная промышленность. Для решения этих задач были привлечены значительные по тем временам финансовые потоки.

Крестьянскому хозяйству региона отводилась существенная роль по обслуживанию задач индустриализации: обеспечения сырьем и продовольствием, финансами путем перехода к подоходному налогообложению [25, с. 3–48] и перекачивания рабочей силы двора в промышленную сферу. Важнейшим средством в решении этой триединой задачи должна была стать коллективизация крестьянских дворов и изменение аграрного строя страны.

Довольно красочно о подобной политике писал в свое время П. Росляков: «В перспективе развития промышленности и относительно большого скопления промышленных рабочих, продукция животноводства (молоко, мясо) должны иметь существенное значение для стола рабочего и наличие мясного продукта, скажем для Мезени и Печоры, лишенных железнодорожной связи с внутриреспубликанским рынком, будет иметь прямое отражение на размере зарплаты. Поэтому как колонизация, так и внутригубернское расселение должны иметь ввиду заселение таковых районов, где есть данные для развития молочного животноводства и предусмотреть в своих планах устройство и мелиорацию таких районов главным образом по поймам больших рек, богатых луговыми площадями... Чтобы предоставить населению возможность полнее использовать свои избыточные рабочие руки и лошадь, надо придвинуть население из густонаселен-

ных районов с истощенной местностью в пустующие лесные районы» [24, с. 32, 34].

Чтобы удовлетворить спрос на рабочие руки в лесной отрасли, власти пошли на изменение колонизационной и переселенческой политики внутри региона. Освоение заимок и переселенческих участков допускалось лишь при условии создания колхоза или разрешались непосредственно в зоне промышленного освоения.

Но постепенно подобная практика привела к кризисным явлениям в самом сельском хозяйстве. Повсеместное отвлечение крестьян на заработки привело к такой ситуации, что сельскохозяйственное и животноводческое производство двора в зоне интенсивных лесозаготовок начинает сворачиваться. В надежде получить больший доход крестьяне сдавали свои земли в аренду или нанимали батраков, а сами устремлялись на лесозаготовительные предприятия и в другие сферы промышленности. Как следствие, снижалась и без того низкая товарность сельскохозяйственного производства, увеличивался ввоз в регион сельскохозяйственных продуктов, сена и фуража. Явление это было повсеместным, включая, хотя и в меньшей степени, сельскохозяйственные районы Вологодской и Северо-Двинской губерний.

Особую тревогу властей, как отмечалось на VII Всекарельском съезде Советов в 1927 г., вызывало то, что «недостаточное развитие скотоводства в Карелии, в особенности в качественном отношении, отражающееся на товарности крестьянского хозяйства, привело к тому, что снабжение продуктами скотоводства городов и промышленных поселков в большей части производится извне Карелии». В то же время «новые крестьянские хозяйства, образовавшиеся в последние годы в связи с ростом крестьянского населения, растут неорганизованно в перенаселенных уже пунктах. В новых незаселенных местах, куда с точки зрения колонизации и снабжения лесозаготовок рабочей силой был бы желателен прилив переселенцев из перенаселенных районов, не наблюдается».

Было решено «усилить мероприятия по развитию и рационализации сельского хозяйства, идя по линии увеличения отпуска средств на таковое, ...предложить правительству принять меры к усилению мероприятий по переселению и колонизации районов, требующих по условиям развития промышленности увеличения рабочей силы» [27, с. 111–112]. В развитие решений съезда 9 августа 1927 г. СНК Карельской АССР принял положение «О переселении в АКССР» [16].

В отчете Архангельского губисполкома XIII губернского съезду Советов вновь подчеркивалось, «что основной задачей по переселению и расселению является – равномерное распределение рабочей силы по территории губернии с целью обеспечения в первую очередь лесных заготовок» [10, с. 56]. Губернский съезд Советов (18–23 марта 1929 г.), в свою очередь, отметил, что «в условиях нашей губернии сельское хозяйство не является основной отраслью народного хозяйства губернии, но в то же время, как фактор, содействующий созданию необходимых предпосылок для развития лесного хозяйства, лесной промышленности и промыслов (оседлость населения, рабочая и гужевая сила, фураж), – играет важную

роль... Недостаток рабочей силы и тяговой силы на лесозаготовках, в особенности с намеченным усиленным темпом развития лесного хозяйства, лесной промышленности и лесоэкспорта, разрешение кормовой проблемы и аграрная перенаселенность некоторых районов губернии – требуют решительных действий по колонизации губернии... В связи со стоящими громадными задачами, разрешение этого вопроса выходит за пределы только губернского значения и внутренними ресурсами выйти из создавшегося положения нельзя. Необходимо поставить перед правительством вопрос о колонизации губернии за счет внегубернского контингента и усиления ассигнований» [11, с. 31].

19–23 августа 1929 г. в Архангельске состоялся первый съезд Советов, который оформил создание нового административного образования на Европейском Севере РСФСР – Северного края. Край был образован в результате объединения бывших Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и АО Коми (зырян). Можно согласиться с мнением С.И. Шубина, что создание Северного края служило своего рода инструментом ликвидации губернских элит и тотальной мобилизации материальных и людских ресурсов «на валютное обеспечение индустриализации страны путем беспримерной эксплуатации лесных богатств региона» [30, с. 315]. Руководство края стремилось превратить лесопереработку и лесоэкспорт в основную сферу хозяйствования в регионе – в валютный цех страны и «деревянный Донбасс», как тогда говорили.

Такая узкая направленность экономики края заставила власти искать источники обеспечения рабочей силой лесного хозяйства. В жертву было отдано коллективизированное к концу 1930-х гг. сельское хозяйство региона, лишившееся возможности развиваться в силу тотальной «мобилизации людей» на лесозаготовки и сплавные работы.

Однако в вопросах обеспечения рабочей силой лесной отрасли края гораздо большую роль сыграл принудительный труд выслаемых сюда спецпереселенцев. Уже в начале 1929 г. в верхних эшелонах власти СССР был выработан пятилетний план «развития лесного хозяйства и лесной промышленности Европейской части Севера РСФСР», в развитие которого Экономический Совет РСФСР ставит задачу использования труда заключенных в Карело-Мурманском и Северном краях [30, с. 322].

Как бы вторя принятым в Центре решениям, на Первом Архангельском окружном съезде Советов в 1929 г. обращалось «внимание на решительное проведение колонизации в Округе, взяв линию на привлечение переселенцев извне Округа, организовав их в крупные коллективные хозяйства» [22, с. 21]. 21 декабря 1929 г. Северное краевое земельное управление обратилось в переселенческий отдел НКЗ СССР: «Колонизация Северного края путем внутрикраевого расселения, вследствие общей его малонаселенности, не может разрешить основной задачи – рабочего вопроса и рабочая проблема может быть разрешена путем заселения края извне краевого контингента». По этой причине Крайзу предполагал весь свободный фонд, «заготовленный в пределах бывшей Архан-

гельской губернии в количестве 2870 едоков, предоставить в ходячую кампанию текущего года в распоряжение внекраевого контингента. Из всего заготовленного фонда 70–75% может быть предоставлено под колхозы и 30–35% для единоличного пользования» [2].

26 января 1930 г. бы опубликован циркуляр Крайзу «Всем окрзему управления Северного края», смысл которого сводился к запрету в плановом порядке выезда населения из края. Для «аграрно-перенаселенных районов» разрешалось организованное внутрикраевое переселение на специально подготовленные участки. При этом подчеркивалось, что переселение должно было осуществляться при строго классовом подходе и «организовываться в полном согласовании с местными землеустроительными и агрономическими мероприятиями и работой по развитию колхозного строительства». Поэтому наряды на переселение должны были предоставляться тем районам и селениям, в которых выявлялась возможность организации колхозов, объединявших не менее 25 (50) хозяйств (гнездовое выселение) из батрацких, бедняцких и середняцких слоев деревни [3].

Однако уже в конце февраля 1930 г. было принято постановление краевого исполкома, запретившее «плановое в порядке добровольности переселение» [30, с. 324]. Многолетняя эпопея по аграрной колонизации Европейского Севера заканчивалась. 18 августа 1930 г. Совнарком РСФСР принял специальное постановление «О мерах по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» [13, с. 26–35]. За этим последовала масштабная кампания по выселению и расселению кулаков и использованию их труда по преимуществу в лесной промышленности Европейского Севера.

Несколько раньше аналогичные решения были приняты в Карелии. Так, уже 5 марта 1930 г. секретное Постановление ВЦИК и СНК Карельской АССР «О колхозном строительстве и ликвидации кулачества как класса в республике» предписывало «в целях предупреждения свободного переселения кулаков, а также и ухода их в Финляндию, предложить РИКом и административным органам не допускать свободного переселения, а ГПУ АКССР усилить охрану границ... Предложить НКЗему и комчасти Мурманской железной дороги совершенно прекратить доступ в АКССР кулакам из других местностей СССР в порядке добровольного переселения» [9, с. 47].

Таким образом, к концу 1930-х гг. стало очевидным, что развитие народнохозяйственного комплекса Карелии и деревянного Донбасса, всесоюзной лесопилки, как тогда говорили в Северном крае, опирается в масштабную проблему функционирования сельскохозяйственного сектора экономики края. Коллективизация сельского хозяйства должна была решить проблему снабжения сырьем и рабочей силой лесную отрасль края. Дальнейшее подстегивание темпов лесозаготовок привело к привлечению в регион спецпереселенцев из числа раскулаченных в других регионах страны и размещение их в лесозаготовительных поселках. Власти отказались от планов сельскохозяйственной колонизации региона, активно внедряемых в экономическую практику в 1920-е годы.

Источники и литература

1. Государственный архив Архангельской области. Ф. 106. Оп. 1. Д. 64. Л. 4об., 12–13.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 106. Оп. 1. Д. 39. Л. 33.
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 106. Оп. 1. Д. 39. Л. 45.
4. Государственный архив Вологодской области. Ф. 129. Оп. 1. Д. 90. Л. 54 об.
5. Государственный архив Вологодской области. Ф. 129. Оп. 1. Д. 93. Л. 17 об.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3260. Оп. 4. Д. 105. Л. 42–43.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3260. Оп. 5. Д. 67. Л. 20.
8. Градов, М. Пути и методы современного переселенческого движения / М. Градов // Экономическое обозрение. – 1925. – Август. – С. 32–34.
9. Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. : документы и материалы / Ин-т языка, лит. и ист. Карел. науч. центра АН СССР, Центр гос. архив КАССР ; научные редакторы Н. А. Ивницкий, В. Г. Макуров. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 296 с.
10. Итоги работы двух лет : Отчет Архангельского губ. биспокома XIII-му губ. съезду советов. (С 1/X–1926 г. по 1/X–1928 г.). – Архангельск : [б. и.] (тип. изд-ва «Волна» им. т. Склепина), 1929. – VII, 112 с.
11. Итоги работы Архангельского XIII губернского съезда Советов. (18–23 марта 1929 г.) : (Постановления Съезда Советов и тезисы для докладчиков). – Архангельск : Архгубисполком ; (тип. изд-ва «Волна» им. т. Склепина), 1929. – 48 с.
12. Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год / Вологодский губплан. – Вологда : тип. Полиграфтреста «Северный печатник», 1928. – 272 с.
13. Коротаяев, В. И. Проблемы колонизации и спецколонизации Русского Севера/Северного края и опыт их решения во второй половине XIX – первой трети XX века / В. И. Коротаяев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 26–35.
14. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 108. Оп. 1. Д. 34/509. Л. 112.
15. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 689. Оп. 1. Д. 43/462. Л. 104–105, Ф. 698. Оп. 5. Д. 15/163. Л. 75 об.
16. Национальный архив Республики Карелия Ф. 698. Оп. 5. Д. 15/163. Л. 76
17. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 241. Л. 41, 76 об.–77.
18. Национальный архив Республики Коми. Ф. 139. Оп. 1. Д. 463. Л. 149.
19. Национальный архив Республики Коми. Ф. 139. Оп. 1. Д. 230. Л. 198 об.
20. XI Архангельский губернский съезд Советов 2–9 марта 1926 года. – Архангельск : Архгубисполком, 1926. – 65 с.
21. Постановления XII-го Архангельского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (20–25 марта 1927 года). – Архангельск : Архгубисполком, 1927. – 60 с.
22. Резолюции I-го Архангельского окружного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. (7–11 августа 1929 г.). – Архангельск : [б. и.] (тип. издат. «Волна» им. т. Склепина), 1929. – 43 с.
23. Резолюции VII-й Всекарельской партийной конференции, 15–21 декабря 1926 г. ВКП(б). – Петрозаводск : Областком, 1926. – 14 с.
24. Росляков, П. О колонизации Архангельской губернии / П. Росляков. – Архангельск, 1927. – 36 с.
25. Саблин, В. А. Сельскохозяйственный налог в Вологодской губернии в годы нэпа (Анализ налоговых кампаний 1921/22–1929/30 гг.) / В. А. Саблин // Северная деревня в XX века: актуальные проблемы истории. Вып. 2. – Вологда : Русь, 2001. – С. 3–48.
26. Сборник узаконений и распоряжений по колонизации Карельско-Мурманского края, Вып. 1. – Ленинград : издание правления Мурманской железной дороги, 1925. – 25 с.
27. VII Всекарельский съезд Советов : Протоколы. – Петрозаводск : Изд. КарЦИКа, 1927. – 148 с.
28. Сидоров, М. К. Север России / [соч.] М. Сидорова. – Санкт-Петербург : В тип. Почт. деп., 1870. – [2], XXIV, 557 с.
29. Туфанов, П. Переселенческое движение в Шенкурском уезде / П. Туфанов // Северное хозяйство. – 1924. – № 6. – С. 39–46.
30. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы : монография / С. И. Шубин. – Архангельск : Поморский государственный университет, 2000. – 463 с.

V.A. Sablin

STATE POLICY IN THE SPHERE OF AGRARIAN COLONIZATION OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1920–1930S

The article deals with the development of the European North of Russia through agrarian colonization in the first three decades of the 20th century. The author analyses the processes of internal peasant settlement and the methods of expanding land use. The issues of attracting people from outside the region to the agricultural industry are investigated. The article studies all the circumstances of transformation of the colonization policy of the state in the 1930s and the replacement of voluntary development of the European North of Russia with the forced colonization by special settlers, kulaks and convicts.

Land use, peasant household, agrarian overpopulation, colonization, state policy, forced resettlement.